

**ПОЭТЫ “АВГУСТОВА ВЕКА”:
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
(к вопросу об оформлении концепции
“римского мифа”)**

В статье рассматривается проблема отражения идеологии раннего принциата в литературном наследии поэтов “Августова века”. Исследуется роль литературного творчества как инструмента организованной августинской пропаганды. Особое внимание уделяется тому обстоятельству, что Вергилий и Гораций как на-

более выдающиеся мастера своей эпохи были включены властями в процесс разработки новой государственной идеологии. Приведены основные подходы к оценке этого аспекта творчества поэтов "Августова века" в исторической литературе. В статье сделан акцент на изучение раскрытия указанными поэтами в своем творчестве системообразующих компонентов т.н. "римского мифа". Среди прочего рассмотрено отражение в трудах Вергилия и Горация традиционных римских представлений о превосходстве над другими народами, о вечности Рима и о его великой объединяющей и цивилизующей миссии.

Лира! Нас зовут. Коль в тени мы пели
В час досуга песнь, что прожить достойна
Год иль больше лет, – то сложи теперь мне
Римскую песню.

Гораций, Оды, I, 32, 1-4

Период правления императора Октавиана Августа (30 г. до н.э. – 14 г. н.э.) имел исключительное значение для римской истории: именно в это время после установления в Риме его единоличной власти были заложены основы нового государственного устройства – принципата – и выработана новая, имперская идеология. Уже современники этих событий понимали, что живут в эпоху великих перемен, навсегда преобразивших облик Рима и повлиявших на пути его дальнейшего развития. Так, Светоний Транквилл указывал, что после смерти Августа нашлись те, кто предлагал период от его рождения до смерти назвать "веком Августа" и под таким названием внести в летописи [Бож. Авг., 100, 3].

Общеизвестно, что в годы принципата Августа римская поэзия переживает классический период своего развития, а саму эпоху называют "золотым веком" римской литературы. Латынь к этому времени стала более совершенной, приобрела отточенность, изящество, обогатилась риторическими приемами и тонкой нюансировкой [16, с. 51]. На этот период приходится деятельность и двух величайших римских поэтов – Публия Вергилия Марона (70 – 19 гг. до н.э.) и Квинта Горация Флакка (65 – 8 гг. до н.э.).

Литература в республиканские времена никогда не была безусловно принимаемым и почитаемым патриархальной римской моралью явлением: еще Горацию приходилось в своих произведениях энергично выступать в ее защиту, заниматься своего рода ее реабилитацией в глазах современников. Так, он отстаивал мысль о том, что поэзия – честное, благородное и благотворное занятие, полезное для общества [Посл., II, 1, 119-138], а поэт "пусть до войны неохоч и негож, но полезен он Граду" [Посл., II, 1, 124].

Однако Рим эпохи Августа уже обладал развитой литературной средой: по словам знатока античной литературы С. Шервинского, "благодаря общественности форума и публичности южной уличной жизни поэзия в нем не лежала под спудом" [24, с. 16]. В этот период работает множество поэтов: Овидий в своем каталоге поэтов [Письма с Понта, IV, 16] упоминает до 30 имен современных ему авторов, в большинстве, очевидно, малоизвестных, и произведения их не сохранились. Гораций также указывал на обилие стихотворцев, однако о современных ему поэтах высказывался довольно резко: "мы же – учен, неучен, – безразлично, поэмы все пишем" [Посл., II, 1, 117]. Кроме того, по словам Горация, римская читающая публика уже производила своеобразное разделение писателей и поэтов на "совершенных древних" и "новых неценных" [Посл., II, 1, 37-38] или даже на "поэтов старых" и тех, "на коих плюет и теперешний век, и грядущий" [Посл., II, 1, 41-42].

Гораций также называет лучших, по его мнению, писателей современности – с их литературной “специализацией”: Азиний Поллион “воспеваает царей”, Варий слагает эпосы, Вергилий взялся за сельские стихи (“Буколики”), а Гораций нашел свою нишу – он лучший в жанре сатиры [Сат., I, 10, 44-48]. При этом отмечается, что одновременно с выдающимися авторами свои произведения публикует и великое множество их бесталанных подражателей [Посл., I, 19, 19-20]. В любом случае, занятие литературой в “век Августа” стало широко распространенным среди образованных людей и уже не было таким малопrestижным по шкале римских ценностей, как в предыдущий период. Однако причина таких перемен кроется не только в бурном развитии школьного дела, росте образовательного уровня населения, особенно в столице, но и в широком распространении греческой культуры.

Литература (поэзия и история рассматривались как ее разновидности) заняла в новой идеологической системе, конструируемой принципатом, свою важную и постоянную нишу. Люди творческих профессий, ранее занимавшие весьма скромное место в социальной структуре римского общества, стали при Августе законодателями не только интеллектуальной, но и политической моды. Так, Гораций, мысленно обращаясь к лире, говорит: “Ты, беззвучна встарь, нелюбима, – ныне / Всем мила: пирам богачей и храмам!..” [Оды, III, 11, 5-6].

Административный гений Августа – “великого мастера социальной демагогии и политических компромиссов” (Е.М. Штаерман) [26, с. 252] – заключался в том, что он поставил на службу государственным интересам искусство – литературу, скульптуру, архитектуру. Во всех крупных произведениях эпохи звучит одна и та же тема: прославление нового режима и “римского мира”, установленного Августом. Именно при Августе впервые в истории античности литература сознательно и продуманно используется государственной властью как рупор официальной идеологии, становится эффективным средством августианской пропаганды [16, с. 11]. Принцепс полностью разделял сформулированный Горацием вывод о политической значимости поэзии: “Ибо не ярче лицо в изваянии медном, чем мысли, / Чувства всех славных мужей отраженья находят в созданных / Вещих поэтов” [Посл., II, 1, 248-250].

Август постарался окружить себя талантливыми поэтами и использовать их творчество для укрепления своего авторитета. Так возник официальный римский классицизм – блестящая поэзия “золотого века” римской литературы, неразрывно связанная со становлением империи [19, с. 334]. По меткому замечанию профессора П. Преображенского, “Август унаследовал от своего деда ростовщические способности, богато примененные им в политике... он прекрасно сумел извлечь хороший процент и с писателей своего времени” [18, с. 11].

Исследователи принципата отмечают, что в период империи вокруг особы принцепса начинает складываться определенный круг людей, которых чаще всего называли *amicis* – “друзья” – принцепса. Однако такие группы представляли собой не политические альянсы, как в период гражданских войн, а фундамент придворных группировок и карьерных продвижений. [17, с. 228]. Уже при Августе формируется круг его “друзей” – своеобразный “мозговой трест”, состоявший из талантливых и дальновидных политиков, приближенных к принцепсу, – Гая Цильния Мецената, Марка Випсания Агриппы и др. Именно эти деятели разрабатывали основные направления имперской пропаганды. В ее механизм постепенно были включены и многие выдающиеся творческие люди, которые были приближены и благодетельствованы самим Августом и его влиятельным окружением. Светоний пишет: “Всем талантам своего времени он оказывал всяческое покровительство” [Бож. Авг., 89, 3]. Среди них оказались и величайшие римские поэты – Квинт Гораций Флакк и Публий Вергилий Марон.

Гай Цильний Меценат, не занимая официальных должностей при Августе и оставаясь "частным человеком", был самым деятельным и прозорливым проводником его политики в области искусства и литературы. Не случайно его называют "верным организатором идеологии Августа" [15, с. 328], "советником по вопросам идеологии и культуры" [14, с. 6]. Он содействовал развитию литературы, которая способствовала бы пропаганде идеологии принципата. Это был очень знатный¹, богатый и образованный человек. Гораций дает такую краткую характеристику личности Мецената: "здравомыслящ, умен и с Фортуною ладить умеет" [Сат., I, 9, 45]. Он объединил вокруг себя лучших поэтов и писателей своего времени – Вергилия, Горация, Проперция, драматурга Вария и др. Меценат направлял их творческую деятельность, оказывал материальную поддержку. Тот же Гораций называет Мецената "просвещенным" [Посл., I, 19, 1], "славным добродеем" [Посл., I, 7, 24] и говорит о себе: "Я, чадо бедных, тот, кого дружески / Ты, Меценат, к себе, в свой чертог зовешь" [Оды, II, 20, 5-6]. Дружба с Меценатом и доступ в его дом расценивались в тот период как достоянный знак моральных качеств человека, т.к. "он ведь друг не со всяким" [Гораций, Сат., I, 9, 44] и своей дружбой дарит "только достойных" и "чистых сердцем" [Сат., I, 6, 51, 63].

Меценат был не только покровителем поэтов, но и вдохновителем, и даже подсказывал темы для произведений [16, с. 11]. Этот творческий союз, организованный ближайшим соратником Августа, получил название "кружок Мецената". На людей, входивших в этот "кружок" (избегая модернизаторства, не станем его называть прототипом министерства культуры и пропаганды), возлагались важные задачи: прославлять личность Августа, озвучивать в своих произведениях главные лозунги принципата, основные содержательные компоненты августианской идеологии, т.е. фактически заниматься пропагандой. Таким образом, поэты и писатели "Августова века" выполняли функции своеобразной "литературной бюрократии". Гораций в 21 г. до н.э. говорил о пропаганде государственных идей и в исторических трудах того времени: "Хочется знать, что за труд замышляет когорта ученых: / Кто же из вас описать все деяния Августа взялся? / Кто же векам передаст все войны его, перемирья?" [Посл., I, 3, 6-8]. При этом Светоний отмечал, что о себе Август "дозволял писать только лучшим сочинителям и только в торжественном слого..." [Бож. Авг., 89, 3]. Такими "лучшими сочинителями" оказались Варий, а также знаменитые Вергилий и Гораций².

Государство в лице принцепса или Мецената часто заказывало поэтам создание произведений определенного идеологического содержания. О политике Августа в отношении поэтов Гораций писал, что принцепс хочет "...храм Аполлона достойно наполнить / Книгами и заодно уж пришпорить и бодрость поэтов..." [Посл., II, 1, 216-217]. Отмечается, что поэты ждут "призыва Августа": "Сам призовешь, от нужды обеспечишь, принудишь писать нас" [Посл., II, 1, 226-228], т.к. они – певцы Августа – "служители... / Доблести той, что мы зрели и в войнах, и в мирное время" [Посл., II, 1, 229-230].

В "Оде к Лире" [I, 32, 1-4] Гораций словно ставит себе задание: писать для прославления Рима (это слова, вынесенные нами в эпиграф): "Лири! Нас зовут. Коль в тени мы пели / В час досуга песнь, что прожить достойна / Год иль больше

¹ Меценат принадлежал к старинному всадническому роду Цильниев, который, как указывает Гораций, возводил свою генеалогию к этрусским лукумонам – владельцам отдельных областей Этрурии [Оды, I, 1, 1; III, 29, 1; Сат., I, 6, 1-4].

² Гораций упоминает двух поэтов, которыми более всего восхищался сам Август: "Оба любимых тобою поэта: Вергилий и Варий" [Посл., II, 1, 247]. Эти же имена встречаются и в других местах [Наука поэзии, 54; Сат., I, 5, 41-43]. В дальнейшем [Оды, IV, 2, 45] Гораций обещал и сам присоединиться к общему славословию Августа: "вот тогда и я подпевать уж буду".

лет, – то сложи теперь мне / Римскую песню”. Ему вторит Вергилий: “Музы Сицилии, петь поважнее давайте предметы!”³ [Букол., IV, 1].

Вергилию Августом были заказаны “Георгики” – большая поэма, прославлявшая земледелие и простые “нравы предков”, а также “Энеида” – грандиозный римский эпос с исключительной идеологической нагрузкой. Светоний указывал [Гораций, 5], что Август был в восторге от стихов Горация и поручил ему сочинение “Столетнего, или Юбилейного, гимна” (*Carmen Saeculare*) по случаю открытия в 17 г. до н.э. Столетних игр. В этом произведении поэт воспел наступившую эпоху процветания и особое расположение богов к римскому народу и его главе – принцепсу. О государственной важности этих произведений свидетельствует их включение в библиотечные собрания и школьные программы, защита их от забвения. Так, “Энеида”, по сообщению Светония, была спасена и опубликована благодаря личному вмешательству Августа [Вергилий, 38–41].

Трудно сказать, насколько добровольно поэты “Августова века” брались за выполнение поручений своих высоких покровителей. Гораций [Сат., I, 3, 4–5] писал, что Август мог бы “принудить” к чему-нибудь, но он всего лишь “просит” об этом. С другой стороны, тот же Гораций в приливе бичующей самокритики напишет о себе: “сам же служил другим, как наемник / Или как кукла, которой другие за ниточку движут” [Сат., II, 7, 81–82], а Вергилий уже в самом раннем своем произведении, лишь отдаленно касающемся актуальной политики, заявляет: “Не без приказа пою” [Букол., VI, 9]. По распоряжению Августа, как считал Светоний, Гораций должен был прославлять военные победы пасынков императора – Тиберия и Друза, для чего принцепс “заставил его к трем книгам стихотворений” после долгого перерыва прибавить четвертую” [Гораций, 5]. В том же месте Светоний пишет, что Август обижался на Горация за то, что тот мало упоминает его имя в своих стихах и нигде к нему непосредственно не обращается. Поэтому он добился от поэта сочинения особого послания, где Гораций напрямую обращается к императору⁵.

Иногда поэты пытались отказаться от сделанных им предложений. Так, Светоний упоминал, что Август предлагал Горацию должность своего личного секретаря, но поэт от поста отказался [Гораций, 3]. В своих ранних произведениях Гораций часто подчеркивает свою неспособность к воспеванию политических и военных событий, т.е. прославлению императора и принципата [Оды, I, 6, 9–12]. В воспевании простой и спокойной сельской жизни, в проповеди частного досуга вдали от столичной суеты – сюжетах, столь часто встречающихся у Вергилия и Горация, – также можно усмотреть их стремление отстоять свое право на творческую свободу. К тому же, поэты, видимо, осознавали всю меру ответственности за написание заказных произведений, и Гораций словно предостерегает самого себя: “...некстати / Цезаря слуху стихами Флакк докучать не захочет. / Кто неловко погладит его, он, как конь, забрыкает” [Сат., II, 1, 18–20].

И все же нигде так ярко и торжественно не прославляется Август и установленный им “римский мир”, как в творчестве Горация. Нигде так символично и убедительно не говорится о величии Рима и возглавляющего его принцепса, как в произведениях Вергилия. Подобная ситуация вызвала к жизни идущую в литературоведении и историографии дискуссию о том, как оценивать творчество поэтов “Августова века”. Оставив в стороне подробности этой дискуссии (она может стать

³ Т.е. перейти от сложения “пастушеских стихов” – “Буколик” – к серьезной гражданской поэзии.

⁴ Имеются в виду три книги “Од” (*Odes*), или “Песен” (*Carmina*).

⁵ Речь идет о Послании II, 1, которое открывается обращением к Августу со словами “Множество, Цезарь, трудов...”.

предметом отдельного исследования), отметим лишь, что европейские просветители и революционеры нового времени положили начало традиции определять Вергилия и Горация как хитрых льстецов, придворных поэтов, состоявших на службе у принцепата и в своих произведениях прославлявших Августа и его режим. Этот "политический сервиллизм" отмечали К. Маркс [18, с. 9], А.С. Пушкин [16, с. 69], известные советские исследователи П. Преображенский [18, с. 8-12], И.М. Тронский [23, с. 385], К.П. Полонская [16, с. 11-13, 48, 58, 100, 106]. Так, профессор П. Преображенский даже сформулировал нечто вроде формулы для оценки творчества "певцов принцепата" – Вергилия и Горация: "сервиллизм перед Августом и экономическая зависимость от Мецената" [18, с. 20].

Представляется все же, что такой подход заведомо необъективен и давно устарел. Творчество поэтов "Августова века" нельзя оценивать в отрыве от событий современной им эпохи, без внимания к умонастроению римского общества конца I в. до н.э. Это было мироощущение римлян, уставших от гражданских войн, разрухи и политического террора и жаждавших возвращения порядка, отеческой и справедливой власти – т.е. всего того, о чем так умело возвещал своей деятельностью Август. И с этой точки зрения, прославление мира после десятилетий гражданских войн, порядка после политических смут и усобиц, спокойствия на границах после кровопролитных войн, величия Рима, покорившего остальные народы и личности Августа, в котором его современники, несомненно, видели великого человека, должно восприниматься нами как нечто закономерное и логичное.

Подобная точка зрения часто высказывается в литературе. Еще в 1933 г. известный советский переводчик и знаток античности С. Шервинский писал, что "в римской поэзии трудно бывает отличить, где кончается искреннее чувство, где начинается лесть, достойная уст клиента" [24, с. 13]. Современные исследователи идут еще дальше. Так, профессор В.С. Дуров замечает на примере Горация, что дружба с Меценатом никогда не ставила поэта в зависимое положение [14, с. 6]. Горацием двигало не столько внутреннее согласие с идеологией принцепата, сколько чувство искренней благодарности за гражданский мир, восстановленный Августом после целого столетия гражданских войн. Гораций проникся грандиозностью реставраторской и реформаторской деятельности Августа, и его присоединение к политике Августа было вполне искренним, хотя и неполным [14, с. 16].

Солидарен с таким мнением и виднейший антиковед и переводчик С.А. Ошеров, писавший о Вергилии, что поэт искренне верил, что присутствует при великом историческом сломе, и отождествлял наступление грядущего "золотого века" с политикой Октавиана Августа [15, с. 317]. Служение делу принцепата, таким образом, не было навязано извне. Поэты эпохи Августа, пережившие ужасы гражданских войн, вполне искренно приняли новый порядок вещей, тем более, что он представлялся им совсем не новым, но лишь возрождающим подлинную республику, обеспечивающим торжество порядка над силами тирании и анархии [15, с. 328]. Наступивший период "римского мира" (*Pax Romana*) – прекращения внутренних войн и грандиозного расширения рубежей государства – лишь закреплял эти общественные настроения. С этой точки зрения, великие поэты были искренни в пропаганде в своих трудах августианских идей и прославлении режима принцепата.

Не следует, однако, сбрасывать со счетов и тот факт, что названные поэты были многим обязаны новой власти. Гораций в "Посланиях" [1, 20, 23] указывал, что "первым я Рима мужам на войне полюбился и дома". В обращениях к Меценату он неоднократно повторяет: "слишком от твоей я щедрости / Богат" [Эподы,

1, 31-32], "сделал меня ты богатым" [Посл., I, 7, 14], однако, рассуждая о многочисленных подарках Мецената, поэт подчеркивал, что дружит с ним не ради корысти: "но и свободный досуг не сменю на богатства арабов", "скромность мою ты хвалил не раз" [Посл., I, 7, 36-37]. Тем не менее, Горация, воевавшего на стороне республиканцев и командовавшего легионом в битве при Филиппах, амнистировали и одарили доходным именем, которое обеспечивало его средствами до конца жизни. Благодаря Меценату Вергилий сумел возвратить отнятое у него поместье.

Не вызывает сомнений, что заслуга Вергилия и Горация заключалась не только в создании классических произведений "золотого века" римской литературы. Постепенно эти авторы стали рупорами официальной августианской пропаганды, наполнив свои великие произведения важным идеологическим содержанием. Они прославляли личность самого принцепса и порядок, установленный им в Риме, а также придали художественное оформление концепции "римского мифа". В данном смысле Вергилий, Гораций и их произведения – это фигуранты не литературного, но политического процесса в Риме в конце I в. до н.э. Сами поэты, при всем их стремлении к частной жизни и частному досугу (*otium*), были публичными людьми, а в известной мере – и государственными деятелями, чьи слова имели определенный политический вес и соответствующее воздействие на современников. Однако феномен их творчества заключается в том, что они создали не придворную литературу, не плакатную агитпозею и сухие, невыразительные идеологические штампы, но сумели облечь новую, августианскую идеологию в классические высокохудожественные литературные формы.

Поэты "Августова века" в своем творчестве выразили три главных и взаимосвязанных идеи, совпадавшие с установками самого Августа:

- Прославление личности Августа и – через него – возвеличивание олицетворявшей им власти императора-принцепса, с которой связывались надежды и будущее государства.
- Пропаганда заслуг Августа – восстановителя мира и республики, шире – порядка, мира и благополучия, старых "нравов предков".
- Обоснование и пропаганда "римского мифа".

Творчеству Вергилия и Горация посвящено огромное количество исследований⁶. Вместе с тем, малоисследованным остается один существенный аспект: как их произведения способствовали оформлению концепции знаменитого "римского мифа", которое окончательно происходит именно в эпоху Августа. В данной работе мы рассмотрим отражение в творчестве Вергилия и Горация таких важных компонентов "римского мифа", как превосходство римлян над другими народами, объединение под римской властью всего мира и прославление величия и вечности самого города Рима.

Превосходство римлян над другими народами.

Римляне, несомненно, признавали, что в определенной степени их учителя в области "высокого духа" – искусства, философии, литературы – стали греки. Не случайно у Горация встречаем знаменитые строки: "Греция, взятая в плен, победитель диких пленила, / В Лаций суровый внеся искусства" [Посл., II, 1, 156-157]. Однако "дикий Лаций" – это еще неэллинизированный Рим, незнакомый с высокими достижениями греческой культуры, т.е. это римское общество III – II вв. до н.э. Иное дело – современный Горацию и Вергилию Рим, Город "Августова века", не только вполне усвоивший эллинистическую культуру, но и

⁶ Подробнейшую Вергилиану см.: Топоров В.Н. Эней – человек судьбы. – М.: Радикс, 1993. – IV, 195 с. – С. 152-166.

сам выдвинувший много славных и великих имен. Поэтому в сознании поэтов предстают уже два культурных народа Средиземноморья – римляне и греки [Посл., II, 1, 19]. При этом Гораций идет дальше – он превозносит римлян над греками: “Мы уж достигли ведь счастья вершин; умащенных ахейцев / Выше мы в живописанье, в борьбе, в пенопенье под лиру” [Посл., II, 1, 32-33]. Однако это – гордость культурных людей за свои достижения.

Традиционные римские представления о своем превосходстве над другими народами оказались живучи: характеристики Рима у поэтов “Августова века” исполнены гордости за свою родину, уверенности в ее величии и непобедимости. Гораций пишет, что римский народ “предан старине” [Посл., II, 1, 23], у римлян “острый ум”, а римский дух “по природе возвышенный, пылкий” [Посл., II, 1, 161, 165]. Римляне – “потомки Марса-прародителя” [Оды, I, 2, 35-36], поэтому они – “войнолюбивые” [Оды, III, 3, 57]. Такая воинственность оправдывается тем, что римский народ наделен от богов набором т.н. доблестей (*gravitas*) – мужеством, верностью, достоинством, стойкостью и т.п.: “Рождают храбрых храбрые... / Орлы жестокие не могут / Мирных на свет произвести голубок” [Оды, IV, 4, 29, 31-32]. Считалось, что римляне не могут покоряться другим народам: как синоним величайшего позора Гораций приводит пример покорности Антония прихотям Клеопатры [Эподы, 9, 11-16].

Упоминается, что Рим стал возвышаться после побед над Карфагеном: “в счастливых войнах римский народ тогда / Расти уж стал...” [Оды, IV, 4, 45-46]. Бесконечные войны с разнообразными врагами стали своего рода пищей для могучего тела Рима: он “среди тяжких битв и поражений / Дух укрепляет самим железом” [Оды, IV, 4, 59-60]. К тому же, римлянам благоволил сам Юпитер [Оды, IV, 4, 74-75]. Именно поэтому для своих врагов Рим страшнее мифических чудовищ [Оды, IV, 4, 61-64]. Рим за все века его истории не смогли погубить никакие враги – этруски, марсы, греческие города, германцы и карфагеняне [Эподы, 16, 3-8]. Наоборот, все враги Рима боятся “цепей и римской доблести” [Оды, II, 13, 18].

Примечательно, как характеризуются другие народы и государства – давние или современные поэтам враги и соперники Рима. Так, для обозначения самых злобных и опасных врагов Римского государства чаще всего упоминаются парфяне (а также персы или мидяне – эти обозначения в римских представлениях того времени были синонимами) [Оды, I, 2, 52; III, 2, 3; III, 5, 3-4; IV, 5, 25-28; Эподы, 7, 9]. Комментаторы творчества Горация отмечали, что имена персов, мидян и парфян часто употребляются различными римскими авторами в качестве “общих мест”, для обозначения вообще отдаленных и опасных врагов Рима [13, с. 55-56]. Кроме парфян (в разных вариациях) упоминаются еще и другие “враги” – британцы [Оды, I, 21, 16], даки [Оды, I, 35, 9; II, 20, 17-18; III, 6, 14], германцы [Оды, IV, 2, 366], скифы [Оды, I, 35, 9; IV, 5, 25-28], а также эфиопы [Оды, III, 6, 14], арабы, “Красное море” и “весь Восток” [Оды, I, 35, 32, 40]. Как видно, все окружающие Римскую державу народы – будь то могучее Парфянское царство или еще жившие родоплеменным строем германцы и скифы – воспринимались как враги Рима.

Характеристики “врагов” категоричны. За ними отрицаются моральные качества, присущие римлянам, они выступают как средоточие всего самого дикого, вредоносного и злобного. Враги не заслуживают милосердия и пощады: Гораций обращается к Аполлону с мольбой о том, чтобы тот все бедствия (войны, голод и мор) отвратил от Рима и направил “на персов с британцами” [Оды, I, 21, 14-16]. “Вражеским народам” приписываются самые худшие качества. Так, в качестве примера необузданных страстей, символа жестокости и свирепости порядков приводятся “нравы фракийские” – в противоположность нравам и устоям

культурных людзей греко-рымскага свету [Оды, I, 27, 2; Эподы, 5, 13-14]. Об абманшчыке гавораць: “хуже парфян уж лгуном okazaўся” [Посл., II, 1, 102]. Царь парфян, як і любой іноземны владыка, не яўляецца добродетельным правіцелем [Оды, II, 2, 19-20].

Варварскія народы ў творчэстве паэтаў выступаюць як сінанім бескультуры і коварства. На Дону, ў скіфскіх стэпах, жывуць дыкары [Оды, III, 10, 1-2], Риму гатовяць козні “злая Іберыя”, “дыкае отродзь Германіі” [Оды, IV, 5, 25-28], “германцаў орда синеокая” [Эподы, 16, 7].

Примечательны характарыстыкі “історычных” ворагаў Рыма – тых, з кем Рым сталківаўся на полях сражэньняў. Афіцыйная прапаганда падавала іх як отъяўленых злодееў і деспотаў. Царь Антыох Сырыйскі назван ліхім, [Оды, III, 6, 35], а Клеопатра – безумнай царыцай, задумавшай разбурыць Рым і грозившай яму “смерцю позорною” [Оды, I, 37, 7-10], яе асяродок – нізкі – “толпа уродлівых внухоў” [Оды, I, 37, 9], а сама яна – “чудовіца” [Оды, I, 37, 21].

Самых катэгорычных эпітэтаў удасціся Карфаген. Всыкі карфагенянін – гэта “варвар-палач” [Оды, III, 5, 49], сам Карфаген – “безбожны град” [Оды, IV, 8, 17] і “жадны град” [Эподы, 7, 4]. Знаменіты палководац і гроза Рыма Ганнібал, “в дэдах ужас вызваўшы” [Эподы, 16, 8], назван “коварным ворагам” [Оды, IV, 4, 49] і “зверем” [Оды, III, 6, 36].

Такім образом, наліцо атражэньне ў творчэстве паэтаў “Августова веку” прадстаўленьня аб прэвосходстве рымлян над другімі народамі, з якога Рым выводіў сваё права на пакаленьне гэтых народаў і ўправленьне імі.

Об’ядненьне сьвету – “круга зямель”.

Рымляне эпохі Августа былі ўбэжэньны ў тым, што яны пакарылі практычна ўсе населеныя зямлі і іх дэжава прастэрлася неабозрыма шырока. Горачый [Оды, III, 14, 14-16] воскліцае: “Не боюсь я смуты, / Ні ўбытым быць, пока ўсёй зямлю / Правіт наш Цэзарь”. Паэт уаптрэбляе тэрмін “круг зямель” (*Orbis terrarum*) для абозначэньня тэрыторыі, на якія прастэрлася ўлада Августа і Рыма [Посл., II, 1, 254], т.е. на ўсё сьвет: рымскія войскі нчы – во ўсёх “круга зямнога прэделах” [Посл., I, 3, 1-2]. Об’ядненьне “круга зямель” ў поўным саотвэстыві з афіцыйнай прапагандай сьвязывалось з іменем Августа: он “зямлі абрэк астальныя оружыю рымлян” [Посл., I, 18, 57], “вел гасударственыя дэла во ўсёх канцах зямлі” [Светоній, Бож. Авг., 61]: “Латынян імя, моць італійскую / І ўладу і славу, ад заката / Сонца ў Гэсперыі да восхода” прастэр Август, т.е. ад западнага краю сьвету да ўсходнага [Горачый, Оды, IV, 15, 14-16].

Далее Горачый ўпамінае аб Каспіі, “далёнай Арменіі”, пакаранай Мідзіі “вмэсте з падвласнымі / Отныне Риму племянамі”, аб “лішэньных прастора скіфах” [Оды, II, 9, 2, 5, 21-23, 24]. Утвэрдзалося, што рымскія купцы доезжаюць “да Індыі крайніх прэделаў” [Посл., I, 1, 45]. Фактычныя ўспехі рымскага оружыя былі намнога скромнее, но зьдэсь паэты ўпоўне впысываліся ў русло афіцыйнай прапаганды, утвэрдзавшай аб падчыненні Риму самых далёкіх краінаў. Горачый рысуе карціны краёў ізвэданага сьвету, т.е. тых рубэжэў, на якія вышэў і якімі правіт Рым: “ўзрю шумящэго / Босфору брэг, гетулоў Сырты, / Гыперборейскіх паляў безбрэжынь. / Мэня ўзнаюць дакі, таячыя / Свой страх прэды строэм марсов, Колхыды сын, / Гелон⁷ далёкі, іберыец, / Людзі, што пьюць із Родана воду” [Оды, II, 20, 14-20]. Аналагічны мотыв сустрачаем у Горачыя і далее [Оды, III, 4, 30-36]: “Срэдь волн Босфору бэшэных буду плыць, / На Асырыйскым пабэрэж’е / Странніком ў жгучых пэсках скітацца. / Узрю прышэльцам грозны брытанцаў край, / Конканов племя, пьющэе кроў коней; / Узрю я нэвре-

⁷ Гелоны – племя скіфаў, жывшэе па бэрегам Днэстра.

димо дальний / Дон и носящих колчаны скифов". Для обозначения дальних границ римских завоеваний упоминается, что Август покорил врагов – парфян, индийцев, "серов⁸ с края Востока" [Оды, I, 12, 54-56; Юбил. гимн, 53-56].

По сути, в приведенных выше строках Гораций описывает границы известных образованному человеку земель, которые стали границами цивилизации, т.е. Рима. Разумеется, эти рубежи были зачастую поэтическим преувеличением, особенно в том, что касается восточных народов – индов или загадочных серов. Однако тем эффективнее работала пропаганда: для античного человека, очевидно, имел особое значение тот факт, что не только хорошо знакомые, но даже малоизвестные окраинные народы склонились и благоговейно перед Августом и Римом. Для того чтобы передать, что Риму покорны все края земли, приводится либо длинный список различных племен и народов (кантабры в Испании, персы (парфяне), скифы и индусы, дунайские племена, галлы, германцы, африканцы, армяне, британцы), либо очень удаленные от Рима географические объекты. Так, Гораций очень эффектно подчеркнул, что римляне простерли свою власть всюду, где препятствием было сопротивление населявших эти земли людей, и остановились лишь там, где естественный предел их продвижению в виде рек или морских просторов положила сама природа: на востоке таким рубежом стал Тигр, на далеком юге – Нил, на севере – Истр, а на западе – великий Океан [Оды, IV, 14, 45-47]. Таким образом, казалось, что ни один народ не способен противостать натиску Рима и все должны склониться перед ним.

Величие Рима и его миссия – объединить все народы и править миром.

Особенностью римской религиозно-мифологической традиции было то, что в ней рано выделился главный миф – миф о Риме как о "Вечном Городе", гордо идущем через века [1, с. 48-49]. Этот миф активно пропагандировался Августом, он же нашел отражение в трудах поэтов "Августова века".

Гораций неустанно использует эпитеты "великий Рим" [Сатиры, I, 5, 1], "царственный Рим" [Посл., I, 7, 44], "глава городов" [Оды, IV, 3, 13; 13, с. 33], затем возникает новый эпитет – "семихолмный град" [Юбил. Гимн, 6-7]. Горацию вторит Вергилий: "Стал... Рим всего прекраснее в мире, – / Семь своих он твердынь крепостной опоясал стеною" [Георгики, II, 534-535]. "Но меж других городов он так головою вознесся, / Как над ползучей лозой возносятся ввысь кипарисы" [Букол., I, 24-25]. Эту мысль подхватывает Гораций. Он высказывает идею, что многие древние и знаменитые места и города – Сарды, Смирна, Хиос – уступают Риму: "невзрачны они перед Тибром и Марсовым полем" [Посл., I, 11, 4]. Среди прежних соперников Рима Гораций упоминает Капуя: "сравняющий дух капуйцев"⁹ [Эподы, 16, 5].

Гораций подчеркивал, что Рим неизменно восстает в мощи из всех бед и несчастий [Оды, IV, 4, 57-76], а в конце указанной оды поэт дал долгое и пафосное прославление непобедимости Рима. При этом Гораций использовал блестящий и эффектный прием: эти слова вложены в уста злейшего врага Рима – карфагенского полководца Ганнибала, который тем самым словно признавал бессмысленность борьбы против всемогущего Рима.

Поэты просят богов ниспослать Риму свои милости и вечное величие. Так, в "Юбилейном гимне" Гораций обращается к Солнцу: "... пусть же / Ты нигде не

⁸ Народ серов, как считалось в античности, проживал на самом востоке ойкумены – может быть, имелись в виду китайцы или соседние с ними народы.

⁹ Здесь можно провести параллели со взглядами Цицерона, который говорил о том, что только три города древности, по мнению предков, могли соперничать с Римом – Карфаген (разрушен римлянами в 146 г. до н.э.), Коринф (в том же году) и Капуя (ее независимость ликвидирована Римом в 211 г. до н.э.) [8, с. 382].

зришь ничего славнее / Города Рима!" [Юбил. гимн, 10-12]. Затем следует призыв к богам дать римскому народу "и приплод и блага / С вечною славой" [Юбил. гимн, 47-48]. Поэт высказывает уверенность, что Аполлон-Феб продлит "...навек Рима / Мощь, из года в год одаряя новым / Счастьем Лаций" [Юбил. гимн, 65-68], ибо "так решил Юпитер и сонм всевышних" [Юбил. гимн, 73].

Вергилий и Гораций пророчили великую миссию Риму – объединить мир и управлять им. Гораций высказал такую идею в одной из своих т.н. "Римских од" [Оды, III, 3, 42-48; 53-56]: в уста богини Юноны он вложил торжественные слова о миссии Рима:

... Пусть Капитолий, блеск
Бросая вокруг, стоит, и грозный
Рим покоряет парфян законам.
Внушая страх, он пусть простирает власть
До граней дальних, там, где Европы край
От Африки пролив отрезал,
Вздувшись, где Нил орошает пашни...
И где бы мира грань ни стояла, пусть
Ее оружием тронет, стремясь достичь
Краев, где солнца зной ярится,
Стран, где туманы и ливни вечно.

Вергилий сформулировал идею миродержавства Рима в краткой, но блестящей формуле [Энеида, VI, 847-853]:

Смогут другие создать изваянья живые из бронзы,
Или обличье мужей повторить во мраморе лучше,
Тяжбы лучше вести и движенья неба искусней
Вычислят иль назовут восходящие звезды, – не спору:
Римлянин! Ты научись народами править державно –
В этом искусство твое! – налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных!

Наконец, в своем самом, пожалуй, знаменитом произведении – тридцатой оде третьей книги, которую образно называют "Памятник", Гораций, рассуждая о своем поэтическом бессмертии, увязывает его с вечностью города Рима, и он, таким образом, приобретает образ "Вечного Города" [Оды, III, 30, 7-9]:

... буду я славиться
До тех пор, пока жрец с девой безмолвною
Всходит по ступеням в храм Капитолия¹⁰.

Таким образом, творчество двух величайших поэтов "века Августа" имело огромное значение для развития римского общества на рубеже эпох – республиканской и имперской. Вергилий и Гораций прямо либо косвенно оказались инструментами тщательно продуманной августианской пропаганды – и, следовательно, одними из творцов идеологии нового строя – принципата. Существенным компонентом этой идеологии являлся "римский миф", и основные его аспекты – превос-

¹⁰ Это ритуал молитвы Юпитеру за благополучие Рима, совершавшийся ежегодно верховным понтификом и старшей весталкой.

ходство римлян над другими народами и выполнение Римом своей миссии (объединение "круга земель" и управление подчиненными странами) нашли глубокое отражение в творчестве Вергилия и Горация, тем самым повлияв на закрепление соответствующих представлений в массовом сознании римлян. Особое значение имела пропаганда идеи о вечности Рима. Понятия о бессмертии и абсолютной вечности у Горация, как и у Вергилия, совпадает с вечностью самого Города, т.е. Рима. Эта идея пустила глубокие корни в умах и оказалась необычайно прочной и живучей. Даже учителя христианской церкви, для которых языческая Римская империя была "нечестивым Вавилоном", "великой блудницей", верили в вечность Рима, ограниченную только настоящим Градом Божиим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Античная мифология: энциклопедия. – М.: Изд-во "Эксмо"; СПб.: Мидгард, 2004. – 768 с.
2. **Вергилий Публий Марон.** Буколики. Георгики. Энеида. – М.: Художественная литература, 1971. – 417 с.
3. **Вергилий.** Буколики // Вергилий Публий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. – М.: Художественная литература, 1971. – 448 с.
4. **Вергилий.** Георгики // Вергилий Публий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. – М.: Художественная литература, 1971. – 448 с.
5. **Вергилий.** Сельские поэмы. Буколики. Георгики / Перевод, вступительная статья и комментарии С. Шервинского. – М.; Л.: Academia, 1933. – 167 с.
6. **Вергилий.** Энеида // Вергилий Публий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. – М.: Художественная литература, 1971. – 448 с.
7. **Гораций.** Наука поэзии // Гораций Квинт Флакк. Собрание сочинений. – СПб.: Биографический институт, 1993. – 448 с.
8. **Гораций.** Оды // Гораций Квинт Флакк. Собрание сочинений. – СПб.: Биографический институт, 1993. – 448 с.
9. **Гораций.** Послания // Гораций Квинт Флакк. Собрание сочинений. – СПб.: Биографический институт, 1993. – 448 с.
10. **Гораций.** Сатиры // Гораций Квинт Флакк. Собрание сочинений. – СПб.: Биографический институт, 1993. – 448 с.
11. **Гораций.** Эподы // Гораций Квинт Флакк. Собрание сочинений. – СПб.: Биографический институт, 1993. – 448 с.
12. **Гораций.** Юбилейный гимн // Гораций Квинт Флакк. Собрание сочинений. – СПб.: Биографический институт, 1993. – 448 с.
13. Горация оды и эподы / Перевод с полным словарем, комментариями и подробным синтаксическим разбором составил М. Гринфельд. – Одесса: Книгоиздательство М.С. Козмана, 1909. – 116, 92 с.
14. **Дуров, В.** Поэт золотой середины // Гораций. Собрание сочинений / В. Дуров. – СПб.: Биографический институт, 1993. – 448 с. – С. 5-20.
15. **Ошеров, С.А.** История, судьба и человек в "Энеиде" Вергилия // Античность и современность / С.А. Ошеров. – М.: Наука, 1972. – 504 с. – С. 317-329.
16. **Полонская, К.П.** Римские поэты эпохи принципата Августа / К.П. Полонская. – М.: Изд-во Московского университета, 1963. – 106 с.
17. **Портнягина, И.П.** Интеграция неформальных общественных связей в систему принципата: совет друзей принцепса / И.П. Портнягина // МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. Э.Д. Фролова. Вып. 2. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003.
18. **Преображенский, П.** Поэт золотой середины // Гораций. Оды / Пер. Н.И. Шатерникова / П. Преображенский. – М.: Гос. изд-во "Художественная литература", 1935. – 198 с. – С. 5-23.
19. **Савельева, Л.И.** Идеал и действительность в творчестве Тибулла и Проперция / Л.И. Савельева // Античность и современность. – М.: Наука, 1972. – 504 с. – С. 334-340.
20. **Светоний Гай Транквилл.** Божественный Август // Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей. – М.: Наука, 1966. – 375 с. – С. 35-75.

21. **Светоний Гай Транквилл.** Вергилий // Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей. – М.: Наука, 1966. – 375 с. – С. 237-241.
22. **Светоний Гай Транквилл.** Гораций // Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей. – М.: Наука, 1966. – 375 с. – С. 241-243.
23. **Тронский, И.М.** История античной литературы / И.М. Тронский. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1951. – 464 с.
24. **Шервинский, С.** Буколики и Георгики Вергилия // Вергилий. Сельские поэмы. Буколики. Георгики / Перевод, вступительная статья и комментарии С. Шервинского. – М.; Л.: Academia, 1933. – 167 с. – С. 7-19.
25. **Шервинский, С.** Вергилий и его произведения / С. Шервинский // Вергилий Публий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. – М.: Художественная литература, 1971. – 448 с. – С. 5-26.
26. **Штаерман, Е.М.** Светоний и его время / Е.М. Штаерман // Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей. – М.: Наука, 1966. – С. 249-262.